

Хохлина Мария Леонидовна

**УНИВЕРСАЛЬНОЕ, НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНОКУЛЬТУРНОЕ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/1-1/61.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 158-160. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

В. И. Карасик определяет систему общественных институтов как возможный критерий для выделения жанрово-стилистических разновидностей дискурса. Нормы институционального дискурса отражают этнические ценности социума в целом и ценности определенной общественной группы, образующей институт. Институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума. Любое общение носит многомерный, партитурный характер, и поэтому выделение типов общения в конкретном речевом действии представляет собой условность и проводится с исследовательской целью. Применительно к современному социуму В. И. Карасик выделяет политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный и массово-информационный виды институционального дискурса, отмечая при этом, что приведенный список может быть дополнен и видоизменен [5, с. 192].

Для целей практического анализа можно предложить следующее определение дискурса. Дискурс трактуется нами как совокупность текстов, обусловленных сферой общения, особым образом грамматически, лексически и стилистически оформленных, коммуникативно-направленных, в сочетании с экстралингвистическими, социокультурными, прагматическими, психологическими и другими факторами.

При всем сходстве терминов «функциональный стиль» и «дискурс» в интерпретации некоторых ученых, не следует забывать, что любой научный термин должен стремиться к однозначности. Кроме того, употребление термина «дискурс» предпочтительнее в контексте современных лингвистических исследований, так как он в большей степени учитывает прагматические характеристики речи.

На наш взгляд появление термина «дискурс», его сосуществование в смежных значениях с термином «функциональный стиль», и, наконец, постепенное вытеснение первым последнего, говорит о попытке стандартизации терминологического аппарата отечественной лингвистики, его соотнесения с западной. Здесь, как и в других областях человеческих знаний, мы наблюдаем тенденцию нивелирования коммуникации с целью ее симплификации, для удобства коммуникантов.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта; Наука, 2002. 384 с.
2. Беднарская Л. Д. Средства экспрессивного синтаксиса // Чествуя филолога: сборник статей. Орел: ОГУ, 2002.
3. Виноградов В. В. Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. М.: Изд. АН СССР, 1963. 225 с.
4. Долинин К. А. Стилистика французского языка. М.: Просвещение, 1987. 302 с.
5. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. тр. ВГПУ, СГУ. Волгоград: Перемена, 1998.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 2002. 709 с.
7. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 172 с.
8. Миронова Н. Н. Дискурс-анализ оценочной семантики: учебное пособие. М., 1997. 158 с.
9. Мороховский А. Н. К проблеме текста и его категорий // Текст и его категориальные признаки. Киев: Издательство КГПИИЯ, 1989.
10. Скребнев Ю. М. Основы стилистики английского языка. М., 1994. 221 с.
11. Seriot P. Analyse du discours politique soviétique. Paris: Institut d'études slaves, 1985.

УДК 81'373

Мария Леонидовна Хохлина

Астраханский государственный университет

УНИВЕРСАЛЬНОЕ, НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНОКУЛЬТУРНОЕ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА®

В современной науке о языке возникают направления по поиску национального сознания, национального компонента сознания, национальной картины мира, менталитета (ментальности) и т.п. как точке сосредоточения национально-культурной специфики. В связи с этим в ряде научных областей - когнитивной лингвистике, психолингвистике, этнолингвистике, лингвокультурологии и др. - активно разрабатываются понятия «национальная картина мира», «языковая картина мира», «национальная языковая картина мира», «национальный образ мира» (Н. В. Уфимцева, Ю. Н. Караулов, В. И. Карасик, З. Д. Попова, И. А. Стернин, А. А. Залевская, О. А. Корнилов, В. В. Красных, В. В. Колесов, М. В. Пименова и др.).

В настоящее время возможность моделирования картины мира индивида или целой нации не вызывает сомнения. Национальная картина мира проявляется в «единообразии поведения народа в стереотипных ситуациях, в общих представлениях народа о действительности, в высказываниях и «общих мнениях», в суждениях о действительности, пословицах, поговорках и афоризмах» [3, с. 53].

Национальная картина мира как способ отношения человека к миру, окружающей его действительности имеет вид упорядоченной системы представлений, соотносенных с определенными национальными ценностями, которые выражаются через мифологию, философию, язык, идеологию, традиции, фольклор и т.п. При этом в языке запечатлена наиболее существенная и важная часть этих общих представлений. Язык традиционно рассматривается как неотъемлемая и уникальная часть любой национальной культуры, и потому в нем четко проявляются специфические отличия одной культуры от другой. Таким образом, национальная картина мира определяет языковую национальную картину мира. Овладение любым языком всегда сопровождается процессом познания его национальной картины мира, т.е. связано со стремлением проникнуться миропониманием того или иного народа, вникнуть в его языковое сознание, понять мировоззрение народа, создавшего этот язык.

Частью языковой картины мира является фразеологическая картина мира, имеющая двойственную природу в силу того, что, с одной стороны, представляет собой некое идеальное ментальное образование в виде суммы предметных значений и представлений о реальном мире, а с другой стороны - это косвенно-производственное образование, объективированное фразеологическими значениями [2, с. 31-32]. Соответственно мы можем говорить о национальной фразеологической картине мира (НФКМ) как составной части национальной языковой картины мира.

Собственно национальный компонент языковой картины мира обнаруживается в единицах всех уровней языка, но особенно четко он прослеживается во фразеологии. По верному наблюдению Д. О. Добровольского, большинство идиом относительно редко обладают абсолютными эквивалентами в других языках, что объясняется не столько их национально-культурным своеобразием, сколько несовпадением техники вторичной номинации. Следствием такого несовпадения оказываются либо различия в образной составляющей плана содержания близких по значению идиом, либо несовпадения актуального значения при близости внутренней формы [1, с. 37]. Например, сравните персидскую фразу *знать лучше, чем европеец свои часы* и русскую - *знать как свои пять пальцев* - 'очень хорошо знать'. В русской языковой картине мира образную основу фразеологического значения составляет соматический компонент - пальцы (являются частью человеческого тела, а потому трактуются нами как образ «своего»). В персидском языковом сознании для вербализации того же значения выстраивается более сложный образ, связанный с особым пониманием европейской культуры (сравнение осуществляется через образ «чужого»). Русские фраземы, появившиеся в языке в результате процесса заимствования, «отрываются» от своего прототипа, приобретая национальную специфику. Так, выражение *что ни делается, все к лучшему* - 'оптимистично о поиске позитивного во всех жизненных ситуациях' - представляет собой трансформацию одного из самых известных изречений Вольтера *Tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes* (букв. *Все к лучшему в лучшем из миров*). В произведении Вольтера оно часто приобретает ироническую окраску, которая полностью отсутствует в русском варианте.

Диалог культур является необходимым и плодотворным для свободного развития нации. С одной стороны, ни одна культура не способна динамично развиваться без взаимодействия с иными, непохожими на нее культурами, с другой стороны - у межкультурного взаимодействия есть и обратная, негативная сторона, связанная с проблемой культурной ассимиляции и ее возможных последствий для национальных культур.

Происходящие культурно-исторические процессы обуславливают внутриязыковые процессы. Соответственно в национальной языковой картине мира определенную нишу занимает инокультурный компонент. Так, с обращением к инокультурной действительности связано употребление устойчивых выражений типа *брак по-итальянски, горячие финские парни, дела как в Польше, африканская жара* и др., предметы или явления, заимствованные из «чужого» мира, номинируют единицы типа *венецианское стекло, гаванская сигара, ирландский сеттер, кофе по-турецки* и др., описывают существенные признаки или передают характерные черты инокультурных реалий единицы типа *добрая старая Англия, туманный Альбион, страна восходящего солнца* и др., *финита ля комедия, дэус экс махина, но пасаран, цирлих манирлих* и др. вербализуют национально-специфические понятия, свойственные «иной» лингвокультурной общности.

В данном случае присутствие инокультурного компонента во фразеологической картине мира не влечет за собой качественных изменений культурного ядра, а лишь свидетельствует о непрерывном процессе межкультурной коммуникации, о вхождении данной культуры в единое мировое культурное пространство.

Говоря о контакте различных культур и соответственно языков, необходимо указать не только на национальную уникальность каждой лингвокультурной общности, но и на точки пересечения между ними. Межкультурная коммуникация базируется на наличии интересубъектного знания, совпадающего в большей степени у близких и/или родственных культур. Так, наличие в различных языках интернациональных фразеологических единиц объясняется общими языческими истоками мировоззренческих понятий, народных обычаев и обрядов и как следствие сходством в формах языкового мышления различных народов, в развитии мировой культуры [4].

Согласно материалам исследования Т. М. Шиховой, основными дискурсивными источниками интернациональных фразеологических единиц русского языка являются старославянский (*альфа и омега, в мгновение ока, земля обетованная, блудный сын* и др.), древнегреческий и латинский (*лавровый венец, гордиев узел, подлить масла в огонь, геркулесовы труды* и др.) и французский языки (*бросать (бросить) тень, проглотить пилюлю, сделать сцену, медовый месяц* и др.).

Таким образом, можно говорить о том, что в национальной языковой картине мира определенный участок занимает универсальный (интернациональный) компонент, предполагающий наличие общенациональных понятий, представлений, категорий, которые получают в том или ином языке соответствующее сходное наименование.

Следовательно, в таких взаимосвязанных категориях, как национальная культура, национальная картина мира и национальная языковая (фразеологическая) картина мира выделяются одинаковые структурные компоненты. Наличие национально-специфического компонента как ядра национальной культуры обеспечивает соответственно отражение культурных реалий в национальной картине мира и их языковую вербализацию. Например, наличие в русской культуре таких артефактов, как *щи* и *лапти* соответствует национальному представлению о щах как традиционном блюде русской кухни и лаптях как простой крестьянской обуви. Данные культурные знания являются когнитивной базой функционирования, например, просторечных фразем *лаптем щи хлебать* - 'о чей-либо некультурности, отсталости' и *лапти плести* - 'неумело делать что-л.; путать', а также устаревшей фраземы *попасть как кур во щи* - 'попасть в неожиданную беду, непредвиденно оказаться в неприятном положении'.

Что касается универсальных и инокультурных составляющих национальной культуры, то они отображаются соответствующим образом. Например, к культурной универсалии можно отнести *голубя*, который имеет символику со сходной интерпретацией в разных культурах. Так, голубь в изображении Пабло Пикассо, явившийся эмблемой I Всемирного конгресса сторонников мира в Париже и Праге (1949), становится символом мира. Отсюда - получившее популярность выражение *голубь мира*. Ср.: *Friedenstaube* (нем.), *colombe de la paix* (фр.). Галльский петух, изображенный на французских монетах, является национальным символом Франции и воспринимается как таковой представителями разных культур. Само словосочетание *галльский петух* основано на каламбуре: лат. *gallus* одновременно означает и «галл», и «петух». Универсальными являются и представления о цыганах как о народе, ведущем беспорядочный образ жизни, что в свою очередь, например, находит отражение во фраземах *цыганская жизнь* в русском языке и фразеологическом эквиваленте *gingene yaşantısı* (в пер. цыганская жизнь) в турецком языке.

На примере фраземы *Северная Пальмира* - 'название Санкт-Петербурга' - отчетливо прослеживается связь национального и инокультурного. Образным основанием фраземы, функционирующей для номинации одного из объектов русского («своего») мира, является инокультурный топоним - Пальмира, город в Сирии, основанный царем Соломоном в оазисе бесплодной пустыни в I тысячелетии до н.э. Русские поэты начали сравнивать Петербург, построенный на пустынных невских берегах, с великолепной Пальмирой в середине XVIII века. Название Северная Пальмира, по свидетельству Д. В. Григоровича, первым употребил Ф. В. Булгарин, издававший газету «Северная пчела».

Итак, понятия национальной культуры, национальной картины мира и национальной языковой (фразеологической) картины мира представляются нам взаимосвязанными по особенностям трансформации и отражения предметов и реалий культуры, носящих универсальный, национальный или инокультурный характер, в сознании представителей русской культуры, в характере их мировидения и миропонимания, а следовательно, в специфичной вербализации. Особое место в общей структуре национальной культуры и национальной языковой картины мира занимает инокультурный компонент как точка пересечения «своей» и «иной» культуры сквозь призму «своего» и «иного» языка.

Список литературы

1. Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) // Вопросы языкознания. 1997. № 6.
2. Золотых Л. Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики: монография. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. 265 с.
3. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
4. Шихова Т. М. Интернациональная фразеология в диахроническом и синхроническом аспектах: учебное пособие. Архангельск: Поморский ун-т, 2005. 219 с.